

МЕТОД ИНТЕРВЬЮ В ПРОГРАММЕ А. КАРАУЛОВА “МОМЕНТ ИСТИНЫ”

(К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ “РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО” ИНТЕРВЬЮ)

© 2005 Н.В. Бергер

Волгоградский государственный университет

Журналистское расследование как творческий метод в своей технологической стадии синтезирует все традиционные способы сбора информации, принятые в журналистике: наблюдение, интервью и анализ документов. Когда мы говорим о “технологической стадии”, мы имеем в виду ту составляющую творческого метода, которая предшествует готовому тексту. На практике все способы получения данных тесно переплетены, однако, если мы хотим уловить специфику журналистского расследования как творческого метода, необходимо понять, в чем заключены особенности его составляющих. Именно спецификой применения отдельных “элементарных” (не в смысле их простоты, а по их месту в системе) методов в ходе расследования во многом определяется уникальность исследовательской журналистики в целом. В данном случае мы будем говорить о методе интервью.

Интервьюирование как способ получения сведений широко распространен в различных сферах человеческой деятельности, он практикуется и в науке. Наиболее ценный опыт по научному осмыслению метода накоплен в психологии, социальной психологии, юридической психологии, социологии, криминалистике. Журналистская наука в этом отношении, к сожалению, все еще идет в арьергарде. Тем не менее, можно сделать краткий обзор работ, посвященных применению метода интервью в СМИ.

Отсчет надо начинать, несомненно, с книги Т. В. Шумиловой “Не могли бы вы рассказать...” (М., 1976), где впервые в отечественной науке о СМИ предпринимается попытка систематизировать данные практики (обобщить опыт ведущих журналистов) на основе научных классификаций, взятых, главным образом, из социологии. “Насколько можно судить, Шумилова опросила большое число журналистов, собрав богатый первичный материал. К сожалению, этот материал не был должным образом обработан, и вместо типологии в книге Шумиловой просто приводятся

описания различных конкретных случаев в виде прямых цитат из интервью” [1, 153], – пишет о книге Т. В. Шумиловой социолог С. А. Белановский. Вполне вероятно, что с точки зрения социологов, работа исследователя журналистского интервью была и незавершенной, но для нас это был первый шаг в серьезном разговоре о методах профессиональной работы журналистов. Однако за первым шагом второго, кажется, так и не последовало. Книги о журналистском интервью вновь стали появляться только в последнее время: “Технология интервью” М. М. Лукиной (М., 2003), “Интервью в журналистском творчестве” С. Н. Ильченко (СПб., 2003).

Интервью как метод получения сведений в концепции М. М. Лукиной представлен следующими разновидностями: *информационное, оперативное* (по сути это то же информационное, скорее, есть смысл говорить об особенностях репрезентации оперативного отклика в СМИ, по методу же никаких отличий с первой разновидностью, на наш взгляд, нет), *блиц-опрос* или *опрос на улице, интервью-расследование* (данное выделение весьма любопытно, но, к сожалению, автор не дает сколько-нибудь развернутого описания специфики этой разновидности интервью, ограничиваясь лишь констатацией: “проводится с целью глубинного изучения какого-либо события или проблемы” [5, 19]), *интервью-портрет* и *креативное интервью* (трактовка этой разновидности несколько размыта и из-за отсутствия примеров не совсем понятно, что же это за интервью такое). Рассмотрены и различные формы организации интервью: пресс-конференция, выход к прессе, брифинг, “круглый стол”, интервью по телефону, интервью с помощью разных служб Интернета (по электронной почте, в чате, на форуме). В целом пособие М. М. Лукиной отвечает своему названию, с методической точки зрения оно полезно как для начинающих, так и для практикующих журналистов; структура соответствует принятой и в других “заинтере-

сованных” сферах логике рассмотрения интервью как метода сбора информации: виды интервью, подготовка и проведение интервью, завершение беседы, виды вопросов, психологические и этические аспекты интервьюирования, — все эти разделы так или иначе затрагиваются в работах по методу интервью (опроса, беседы) в социологии, психологии, криминалистике.

Несомненная ценность книги С. Н. Ильченко заключается в обилии примеров из журналистской практики, часто из личного опыта автора. А так как его журналистская карьера, как следует из текста, связана с телевидением, то и разговор идет главным образом о специфике интервью в тележурналистике. Однако терминологически работа С. Н. Ильченко выглядит довольно противоречиво: постоянно употребляется термин “жанр”, в то время как описывается в основном именно метод. Так, предлагается следующее определение интервью “как вида журналистского творчества”: “Это целостный акт коммуникации, предполагающий диалогическое общение журналиста с респондентом в ситуации последовательного чередования вопросов и ответов, с целью получения информации, мнений или суждений, представляющих общественный интерес. Далее мы будем исходить именно из данного определения интервью как жанра журналистики в практике электронных СМИ” [3, 10] (курсив наш. — Н. Б.). Понятно, что в условиях телеинтервью довольно часто метод и жанр фактически сливаются, тем не менее, с точки зрения теории, данные понятия необходимо разводить. С. Н. Ильченко выделяет два “генеральных” типа интервью в зависимости от целеполагания: *интервью в связи с... (событием, проблемой, фактом)*, его цель — получение информации и *интервью ни о чем*, где “целью и смыслом ... является сам факт беседы с человеком, лидером мнения, чьи суждения в силу популярности и известности их автора могут быть интересны читательской, слушательской или зрительской аудитории” [3, 8]. Так же, как и работа М. М. Лукиной, пособие С. Н. Ильченко содержит все ключевые моменты, необходимые для понимания сути интервьюирования в журналистской практике, содержат много полезных рекомендаций, так необходимых начинающим. Если же говорить о теоретическом уровне рассмотренных работ, вряд ли здесь можно найти особую новизну по сравнению с исследованиями Т. В. Шумиловой, тем более, в сравнении с тем, что сделано, скажем, в социологии.

Начнем с того, что социологи сами сделали первый шаг навстречу журналистике. Случайно или нет (думаем, что, конечно же, нет), но в том же 1976 году, когда вышла книга Т. В. Шумили-

ной “Не могли бы вы рассказать...”, в Свердловске была выпущена работа Л. А. Кропотова “Журналистика на путях социологии”. Еще в конце 60-х годов известные публицисты и теоретики журналистики начинают говорить о необходимости закрепить связи социологии и журналистики, все четче осознается связь журналистики с социологией. “В ряде случаев представители обеих профессий одинаковыми способами добывают информацию” [4,5], — пишет Л. А. Кропотков. Эту точку соприкосновения социологии и журналистики автор характеризует как “проникновение методов конкретных социологических исследований в процесс журналистского творчества”, эти эмпирические методы познания можно приложить только в “определенных точках”, а именно в тот момент, когда журналист собирает материал для выступления и обрабатывает его. Методы конкретных социальных исследований, по Кропотову, это, во-первых, научные методы, во-вторых, — специальные. Соответственно, они имеют свою методику (совокупность приемов) и методологию (теорию, объясняющую возникновение метода и способ его применения). Принципиальная разница между журналистскими и социологическими методами заключена в обязательной научности последних, тогда как методы познания, применяемые журналистами, “часто остаются на уровне стихийно-эмпирическом”. Тем не менее, Кропотков не отказывает некоторым публицистическим произведениям в определенном сходстве с социологическим исследованием и настаивает на том, что социологам пора поделиться своими знаниями и навыками с журналистами. Одним из методов конкретного социологического исследования является опрос. О заимствовании его методики в практике СМИ можно говорить лишь в том случае, когда журналист проводит детально разработанное и заранее подготовленное собеседование.

Продолжение разговора о социологических методах в практике печатных СМИ мы находим в работе И. Д. Фомичевой “Методика конкретных социологических исследований и печать” (М., 1980). Соглашаясь с тем, что между “техниками” работы журналистов и социологов немало общего, автор проводит четкое разделение между ними. “Арсенал методик (разновидностей метода) в журналистике шире, чем в социологии, ибо шире ее цели и предмет” [11, 64]. Основной подход к освоению действительности в журналистике — целостный, “отсюда многообразие методов изучения и отображения жизни”. При этом для исследователя важно, что метод познания явлений в журналистике — не только способ сбора и анализа информации, но и способ воздействия на аудиторию, другими словами, “сам

метод изучения становится аргументом убеждения”. Другое отличие состоит в том, что журналист чаще прибегает к комплексному изучению конкретного объекта (одновременно использует и наблюдение, и опрос, и изучает документы), а социолог повышает надежность информации за счет внутреннего совершенствования каждого из методов, применяемых отдельно. Даже используя только один метод, журналист может прибегать к разным его техникам (например, к анкетированию и фокусированному интервью). Различны и взаимоотношения журналиста и социолога с объектом изучения: для первого это отношение к объекту как к уникальному, неповторимому, конкретному и при исследовании и при описании; второй “обеспечивает полноту и надежность информации, гарантируя людям анонимность получаемых от них и о них сведений”.

Из всех видов опроса, называемых и кратко описываемых И. Д. Фомичевой, наибольший интерес в связи с расследовательской журналистикой представляет индивидуальное интервью. Причем тот случай, когда задача журналиста — не “предельно ярко раскрыть индивидуальность собеседника”, а когда “важна не личность, а предмет, ибо сам смысл общения не личностный, а деловой”. И. Д. Фомичева формулирует ряд требований к искусству интервьюирования, обобщая тем самым данные науки и практики.

Наиболее полной, на наш взгляд, работой, посвященной искусству интервьюирования и имеющей как практическое, так и методологическое значение для нашего исследования, является “Методика и техника фокусированного интервью” С. А. Белановского (М., 1993). Эта книга адресована прежде всего социологам, но не случайно в ней так много примеров, взятых из практики журналистов. Помимо обстоятельной методологической части в ней не менее подробно, буквально по шагам, описаны основные техники проведения интервью, в частности, техника свободного (нестандартизованного, неформализованного) интервью. Можно предположить, что техника опроса в ходе журналистского расследования в ряде случаев наиболее близка к так называемому “фокусированному” интервью, применяемому в социологии. “В этом типе интервью интервьюер поддерживает все высказывания респондента, относящиеся к исследуемому предмету в той или иной форме, и “пресекает” высказывания, не относящиеся к нему” [1, 94]. Именно на концепцию С. А. Белановского мы будем опираться, выявляя специфику интервью в ходе журналистского расследования.

Говорить об интервью безотносительно условий, в которых оно проходит, — вещь бесполезная. Необходимо учитывать не только зада-

чи, стоящие перед журналистом, особенности собеседника, но и, в случае журналистского расследования, стратегию, которую применяет инвентигейтор. Наблюдения над практикой расследовательской журналистики позволили нам выделить две основных стратегии, используемых в ходе расследования: первая, назовем ее “социологическая”, базируется на традиционных журналистских методах сбора данных; вторая, условное название — “криминалистическая” — учитывает техники сбора информации, принятые в работе следователей и оперативных работников правоохранительных органов. “Совершенная правда то, что в технике получения интервью у журналиста много схожего со следователем” [9, 339], — это утверждение В. Т. Третьякова можно при желании отнести и к технике наблюдения, и к методике изучения документов.

В данном исследовании мы сосредоточим свое внимание на специфике интервью в структуре журналистского расследования, основанного на “социологической” стратегии поиска данных.

Технология интервью, как отмечает С. А. Белановский, включает в себя следующие этапы:

- подготовка интервью, включающая общую и конкретную подготовку;
- начало;
- основную часть;
- завершение;
- обработку результатов.

Это в социологическом интервью. Если мы говорим об интервью в журналистике, необходимо добавить еще один — завершающий — этап, а именно репрезентацию полученных результатов в СМИ. В этом качестве может выступать как публикация в жанре интервью, так и ссылки на проведенное интервью, включение фрагментов разговора в тексты разных жанров. Собственно, с тем, что получилось, с конечным продуктом, и приходится иметь дело исследователю журналистики и именно по нему судить более или менее достоверно обо всех предшествующих элементах технологической цепочки. Очевидно, что наиболее полные, неискаженные данные мы можем получить, изучая телевизионные интервью, включенные в структуру расследовательских программ. К таковым наряду с “Документальным детективом”, “Совершенно секретно”, “Спецрасследованием” мы относим программу Андрея Караулова “Момент истины”. Нельзя сказать, что абсолютно все ее выпуски являются продуктом расследования, особенно те, что выходили на протяжении 90-х годов. Однако в ряде программ 2000–2004 годов явно присутствует стремление предать гласности случаи различных правонарушений, тщательно скрываемых от общества.

Мы не будем сейчас касаться особенностей композиции программ А. Караулова, это предмет другого разговора, скажем только, что зачастую тему отдельно взятого выпуска трудно определить, скорее, можно выделить основные тематические направления, к которым автор обращается либо постоянно, либо время от времени. Можно сказать, что на глазах у зрителя происходит расследование, о результатах которого журналист отчитывается каждую неделю. Так, в 2000 – 2003 годах “на контроле” “Момента истины” находились такие проблемы, как мирный договор с Японией и судьба Курильских островов, наркотрафик из Афганистана, деятельность Министерства природы и его главы Артюхова, судьба космической отрасли и др.

То обстоятельство, что мы можем наблюдать процесс непосредственного общения журналиста с респондентом, и предопределило наш выбор программы “Момент истины” в качестве материала исследования. Для начала определим круг источников, к которым обращается А. Караулов. Все их можно распределить на две большие группы: эксперты и “очевидцы” (люди, имеющие прямое отношение к обсуждаемым событиям и ситуациям). В качестве экспертов могут выступать:

1. Представители науки (например, С. Рогов, директор Института США и Канады РАН России, доктор исторических наук).

2. Чиновники разных уровней, среди них:

– *бывшие чиновники* – люди, занимавшие в прошлом высокие руководящие посты и могущие дать как комментарий к текущим событиям, так и рассказать подробности того, что происходило в прошлом: почему принимались те или иные решения, кто их принимал и т. п. (например, А. Бессмертных, председатель Всемирного совета бывших министров иностранных дел);

– *действующие чиновники*, в основном, ведущие сотрудники различных министерств и ведомств (например, Е. Наздратенко, председатель Государственного комитета по рыболовству РФ, Д. Рюриков, посол РФ в Узбекистане). Среди действующих чиновников особое место в программах А. Караулова занимают *губернаторы*, редкая программа обходится без участия хотя бы одного из них (например, Ю. Евдокимов, губернатор Мурманской области).

3. Представители общественности. Это люди, имеющие большой авторитет в обществе, их участие в программе обусловлено не столько той информацией, которой они обладают, сколько тем, какие оценки тем или иным событиям и явлениям они выносят (например, А. Вольский, А. Дементьев, Ч. Айтматов, Г. Вишневская).

4. Политики. Среди них:

– *депутаты* Государственной Думы РФ, выступающие главным образом от своего имени (например, Л. Слиска);

– *представители* тех или иных комитетов Госдумы, от них требуется прежде всего фактическая информация (например, заместитель председателя Комитета по информационной политике Госдумы РФ Б. Резник).

“Очевидцев” в программе “Момент истины” можно также разбить на две группы, каждая из них представляет одну из сторон, участвующих в конфликте:

1. Представители “пострадавшей” стороны (например, З. Смушкин, председатель совета директоров “Илим Палп Энтерпрайз”; Ирэна Федорова, вдова С. Федорова).

2. Представители стороны, в адрес которой звучат обвинения (например, Х. П. Тахчиди, генеральный директор МНТК микрохирургии глаза).

Данная классификация содержит разные основания: экспертов мы разделили по их профессиональному и общественному статусу, “очевидцев” же по их позиции в конфликте. Следовательно, один и тот же респондент, в зависимости от того, какой вопрос ему задан ведущим, может выступать как экспертом, так и “очевидцем”. Причем, в пределах даже одной передачи один и тот же человек может менять свой статус в интервью.

В зависимости от типа источника – эксперт или “очевидец” – выбирается и тактика разговора. Наиболее часто программа “Момент истины” приглашает в гости экспертов, а именно – чиновников и политиков. Особенность этого типа респондентов состоит в том, что в большинстве своем они уже имеют опыт общения с журналистами, многие знают приемы воздействия, применяемые ими, таких собеседников трудно заставить врасплох.

Для того чтобы полнее представить себе психологический портрет современного чиновничества, обратимся к данным исследований, проведенных социологами и психологами. “...Доминирующим типом управленческой культуры и значимости по аксиологической шкале ценностей является традиционный для бюрократической системы примат интересов государства, ведомства и вторичность интересов общества, личности, защиты прав и свобод населения. <...> Обращает на себя внимание корпоративная болезненность восприятия слабой защищенности чиновников и довольно равнодушное отношение к незащищенности правовой и социальной других категорий населения” [7, 84-85]. Исследование, проведенное информационно-социологи-

ческим центром Российской Академии Государственной службы при Президенте РФ показало, что “в сознании значительной части государственных служащих России произошло обесценивание моральных норм и запретов, что в совокупности с традиционной “бюропатологией” таит в себе серьезные опасности для общества в будущем и дает себя знать в наши дни” [7, 86]. В психологии современного российского чиновничества работа в государственном аппарате представляет собой не служение обществу, а получение привилегий и удовлетворение личных интересов за счет интересов общества. Нередко опасным и деструктивным для правосознания является “двойное сознание”, двоемыслие, распространенное среди государственных служащих, которые нередко говорят одно, а делают другое. “Оно приобретает порой форму заурядного лицемерия, той поразительной непоследовательности, когда чиновник стоит перед необходимостью постоянно противоречить самому себе, жить “двойной жизнью» [7, 86].

Как правило, у опытных чиновников есть своя тактика общения с прессой. В то время как в целом “взаимодействие систем государственной службы со СМИ часто отличается конфронтационностью и непродуктивностью”, “закаленные” в “поединках” с журналистами отдельные чиновники знают, как направить разговор в нужное им русло. Причем это знание приходит не только с опытом. Государственных служащих учат общаться с журналистами. Так, в брошюре, адресованной чиновничеству, читаем: “...они (журналисты. — Н. Б.) как бы настраиваются на эмоциональный тон партнера по общению, принимают его и даже начинают испытывать симпатию, что позволяет целенаправленно управлять их вниманием (здесь и далее курсив наш. — Н. Б.)” [12, 6]. Обращает на себя внимание то, в каком ключе дается характеристика “психологического профиля” журналистов, будто в каком-нибудь справочнике по энтомологии: “Интеллект отличается прагматичной направленностью”. Или: “... им следует периодически преподносить что-то новое и интересное, иначе они сами по себе переключатся на другой объект”. Автор пособия подчеркивает, что журналисты часто ориентируются на первые впечатления и не всегда глубоко вникают в проблему, поэтому нередко от них можно слышать весьма поверхностные суждения и оценки. Отсюда совет: “Если им в тактичной форме *подсказывать*, они это обычно с благодарностью принимают, такая форма взаимодействия их вполне устраивает”. Чиновник должен знать и о трудностях, которые могут возникнуть в общении с представителями прессы: “У журналистов хорошая па-

мять на людей, события, факты. Информация из памяти извлекается быстро. *Это затрудняет полемичку с ними*”. “Образ “Я” у них отличается комплиментарностью, поэтому при этом они весьма обидчивы”, “могут быстро разоблачить обман и лукавство”, “имеют отчетливо выраженную склонность к манипулированию” [12, 6-7]. Чиновник, который знает, какие типы психологического воздействия используются современными СМИ, может применить и активно применяет контрмеры. Это необходимо осознавать журналисту, ведущему расследование и прибегающему к официальным источникам в лице государственных служащих и политиков.

Рассматриваемый тип источников очень важен с точки зрения исследовательской журналистики, поскольку именно чиновники и политики имеют самое непосредственное отношение к действительно важным для общественности вопросам и проблемам.

В программе “Момент истины” от 6 октября 2002 года центральным вопросом для обсуждения стояла проблема части Курильских островов, которые Россия якобы намерена отдать Японии. Одним из приглашенных чиновников-экспертов был С. Калашников, заместитель Госсекретаря Союзного государства “Россия — Белоруссия”. Обратим внимание на его ответы на конкретные вопросы ведущего:

С. Калашников: Если говорить о Курильской проблеме, есть проект продать острова Японии.

Ведущий: А у кого? Глава МИДа поклялся Думе...

С. Калашников: Я думаю, что не у государства, конечно.

Ведущий: А у кого же тогда?

С. Калашников: Ну, есть у некой группы, имеющей отношение к власти, некий бизнес-проект. Другое дело, как его упаковать, чтобы он проскочил. Мирный договор это и есть решение Курильской проблемы.

Несколько позже дипломат уже напрямую встает на защиту корпоративных интересов:

С. Калашников: Я все-таки хотел бы защитить конкретные ведомства, в том числе и МИД. Когда Шеварднадзе в свое время подписывал разграничительную линию в Беринговом проливе...

Ведущий: 50 тысяч квадратных километров подарил Америке.

С. Калашников: Да. Но не МИД отвечал за эту подпись, понимаете, не МИД!

На протяжении всей программы А. Караулов не оставлял попыток выяснить, “кто все-таки писал бизнес-план отдать Японии четыре острова?”, но конкретики от чиновника не добился:

С. Калашников: *Я не знаю поименно, я просто чувствую, что в бизнесе такой план существует.*

Характерный пример можно привести из программы от 13 октября 2002 года. В начале эфира рассказывается о том, что недавно из-за отключения электроэнергии из туберкулезной тюремной больницы в очистные сооружения города Покрова Владимирской области произошел "несанкционированный" сброс сточных вод, содержащих палочку Коха. За комментариями А. Караулов обращается к заместителю губернатора Владимирской области В. Кузину:

В. Кузин: Губернатор не останется в стороне от этой проблемы, какие бы ни были у него с мэром Покрова отношения. Он будет все равно работать в интересах жителей этого города.

Ведущий: Но палочка Коха попала в водоем?

В. Кузин: *Я финансист, а не эколог. Но, видимо, такое возможно. Я от вас, кстати, об этом первый раз слышу. Наверное, губернатор об этом уже знает. И, наверняка, даны соответствующие установки и санэпидемстанции, и всем надзорным службам, чтобы меры были незамедлительно приняты.*

Как правило, существенную с точки зрения расследования информацию дают бывшие чиновники. Действующие же, как правило, сообщают нечто важное лишь о тех фактах, за которые лично они или их ведомства ответственности не несут. Например, часто появляющийся в "Моменте истины" Е. Наздратенко приводит ужасающие факты "из жизни" недавно возглавленного им Комитета по рыболовству РФ:

Е. Наздратенко: ... Только ветеринарных служб — шесть. Они по-разному называются — ветеринарные, Госветинспекция, санэпидстанция, еще какая-нибудь...

Ведущий: И все приходят, кормятся.

Е. Наздратенко: Ну, берут сотни килограмм. Вот одно предприятие у нас дало — одно предприятие! — 7 тонн 600 кг рыбы. На экспертизу!

Ведущий: Семь с половиной тонн на экспертизу?! Это что за экспертиза такая?

Е. Наздратенко: *Ну, вот мы и говорим, что за экспертиза такая? Так еще и заплатило миллион рублей за то, что ему услугу эту оказали!* (из программы от 20 октября 2002 г.).

Неоценимую помощь журналисту-расследователю в сборе фактических данных могут оказать политики. Прежде всего, действующие и бывшие депутаты Государственной Думы. Известно, что каждый думский комитет аккумулирует большое количество документов, относящихся к подведомственной ему сфере, нередко комитеты Думы проводят парламентские расследования по различным поводам. В отличие от

государственных чиновников, депутаты зачастую сами заинтересованы в обнародовании скандальной информации, поскольку это может благоприятно сказаться на их имидже "борцов за интересы народа". Из разговора А. Караулова с заместителем председателя Комитета по информационной политике Госдумы РФ Б. Резником (эфир от 9 июня 2002 года):

Ведущий: ...Одна из частей Дальневосточного военного округа для наших солдат, наших детей, превратилась в Освенцим...

Б. Резник: Воровство дошло до такой степени, что дистрофиками были укомплектованы целые полки. Умер солдатик от истощения, которого везли в медпункт.

Ведущий: Целые полки дистрофиков?

Б. Резник: Да, полки дистрофиков. Фото это сделано в госпитале, где было таких ребят 57 человек. <...> Ребят кормили гнилой капустой с червяками. Больше ничего не было.

Можно быть уверенными в том, что о подобных вопиющих правонарушениях никогда не сообщил бы журналисту действующий армейский генерал.

Особое место среди государственных служащих занимают "силовики" — представители МВД и различных спецслужб. В программе А. Караулова они появляются реже других, тем не менее, данный вид источников настолько важен для журналистов, ведущих свое расследование, что обойти его вниманием мы не можем.

"К сожалению, деловое контактирование со СМИ пока не является постоянным и целенаправленным, не имеет устойчивой плановой основы и осуществляется чаще всего в период предвыборных или других кампаний, организуемых на местах, как правило, в политических интересах" [6, 55]. В то же время представители правопорядка, как уже говорилось, кровно заинтересованы в развитии сотрудничества с прессой для решения своих задач (формирование положительного образа сотрудника ОВД, раскрытие и профилактика преступлений, правовое просвещение граждан и т. п.). "Для эффективного решения данной задачи целесообразно на качественно более высоком уровне строить взаимодействие со СМИ, чутко, внимательно и корректно реагировать на поступающие от них критические замечания, просьбы, предложения и т. п., — разъясняют исследователи из ВНИИ МВД России. — Вместе с тем не следует при этом терять чувство меры, достоинства, уважения к своей профессии, к нелегкому и опасному труду сотрудника органов внутренних дел" [6, 67].

В ведомственных документах, регламентирующих порядок общения представителей силовых ведомств со СМИ, неизменно подчеркива-

ется необходимость обеспечения содействия представителям печати, радио, телевидения, информационных агентств, кинодокументалистам в подготовке материалов на правоохранительную тематику и получение соответствующей информации о работе органов внутренних дел и внутренних войск. В то же время обращается внимание на недопустимость разглашения сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну.

Управление информации МВД России рекомендует сотрудникам милиции при общении с журналистами учитывать следующее [6, 95-96]:

- если корреспондент намерен взять интервью, поинтересоваться его творческим замыслом, уточнить, какие именно вопросы он желает осветить;

- получить информацию по интересующей корреспондента проблеме и предоставить ему по согласованию с соответствующей службой подготовленный информационный материал;

- быть уверенным в том, что он четко понял вопрос корреспондента и дал на него исчерпывающий ответ;

- не выходить за рамки своей ответственности или компетенции, не допускать попыток постановки вопросов политического характера, а также личных оценок, суждений, комментариев происходящего события;

- избегать ответов на вопросы в форме “да” или “нет”;

- воздерживаться от комментариев, выходящих за рамки компетенции ОВД;

- не использовать в разговоре фразу “Это не комментируется”. Лучше сказать о причине, по которой он не может или не в состоянии это прокомментировать;

- при взаимодействии с представителями СМИ необходимо руководствоваться принципом “не уверен – не говори”;

- информация о служебно-боевой деятельности ОВД может предоставляться только с разрешения начальника ОВД;

- если сотрудник ОВД получает информацию по радиосвязи, он должен быть готовым к тому, что журналисты тоже могут владеть этой информацией. Люди, называющиеся “сканнерами”, могут прослушивать передачи по открытым радиоканалам и передать собранную информацию в агентства по сбору новостей;

- информацию о ходе подготовки и проведении спецмероприятий представители СМИ получают только в группе по связям со СМИ оперативного штаба.

В программе А. Караулова представители силовых ведомств появляются не часто, намного

реже, чем политики или чиновники. Как правило, чин – не ниже генерала, большая редкость – полковник. Типичным мы бы назвали разговор, состоявшийся в эфире “Момент истины” 22 декабря 2002 года между ведущим и начальником управления Главной военной прокуратуры, генерал-майором юстиции А. Никитиным:

А. Никитин: Применительно к сюжету передачи за гибель Кубарского осуждены два медицинских работника, не оказавшие ему соответствующую медицинскую помощь. То есть решение по делу принято, факты нарушений со стороны должностных лиц продовольственных служб нами проверяются. И в качестве примера могу сказать, что завершено достаточно серьезное уголовное дело в отношении ряда должностных лиц продовольственной службы Дальневосточного военного округа, которое сейчас направлено в суд...

Ведущий: То есть впереди громкий процесс?

А. Никитин: Этот процесс свидетельствует о том, что ни одно нарушение со стороны должностных лиц, в том числе и в Дальневосточном регионе, мимо органов прокуратуры не пройдет.

Ведущий: Ну, а когда суд состоится и будет принято решение, вы, именно вы готовы проинформировать всю Россию, всю страну об этом решении, чтобы неповадно было?

А. Никитин: *Опять-таки после принятия судом решения мы готовы проинформировать об этом широкую общественность.*

Обращают на себя внимание позиции, занятые журналистом и его собеседником: генерал держится сухо и официально, ни слова лишнего, смысл сказанного сводится к утверждению: меры приняты, ни одно преступление не останется безнаказанным. А. Караулов же старается “взорвать” собеседника своим напором, перефразированием его утверждений в более короткой и “сенсационной” форме. Не обходится и без “коронных” карауловских вопросов “в лоб”, как, например, в разговоре с А. Бабичевым, бывшим заместителем начальника межведомственного центра по противодействию легализации доходов, полученных незаконным путем (20 октября 2002):

Ведущий: Товарищ полковник, а вы готовы сейчас, глядя в камеру, всей стране сказать, а кто из ваших коллег в Твери вот это все, эту лабуду, простите за слово, вам говорил? Кто тормозил дело?

А. Бабичев: *Я сейчас не готов точно, потому что было бы, наверное, нездорово так вот откровенно высказываться. Но то, что и в нашей среде, среде правоохранительных органов, и в МВД, и в частности ФСНП, могут быть изъяны, это, конечно, несомненно.*

Как видим, прямой вопрос не сработал, больше того, в программах А. Караулова он практически никогда не срабатывает, то есть никогда на подобные вопросы ведущий не получает конкретных ответов. Видимо, их функция не в выяснении новых сведений. Скорее всего, они нужны для придания остроты, эффектности телеинтервью, а также для психологического давления на собеседника. Но такое давление, конечно, не может быть эффективным в общении с закаленными в теледебатах политиками и скованными всевозможными должностными инструкциями "силовиками".

"От представителей средств массовой информации не так легко отмахнуться, как может показаться на первый взгляд" [10, 36], поэтому, как и государственных чиновников, "силовиков" специально готовят к общению со СМИ, в юридических вузах читаются курсы лекций по этой проблематике, где, в частности, преподается и "тактика общения с журналистами во время интервью". Советы, которые дают специалисты студентам, работникам органов предварительного расследования и оперативных подразделений криминальной милиции, основаны на наблюдениях за работой журналистов. "Как правило, — говорится в одном из пособий, — все они (журналисты. — Н. Б.) имеют четкое представление о том, чего хотят, и стараются облачить во внешне эффектную форму даже незначительные факты. Однако редко удовлетворяются этим и, наверное, частенько испытывают разочарование от того, что им говорят партнеры по интервью, особенно если их партнер — сотрудник милиции. Это объясняется тем, что первый стремится как можно больше узнать, второй не хочет все говорить" [10, 56]. Выход из сложившейся ситуации А. Н. Тюменцев и В. П. Дворянов видят в соблюдении определенных правил в общении с журналистами. Во-первых, советуют они, к интервью необходимо готовиться заранее. Для этого "желательно предварительно ознакомиться с публикациями ведущего с точки зрения изложения и тона комментариев, а также с областью его интересов". Предварительная подготовка включает сбор самой разнообразной информации: о личности интервьюера; о СМИ, которое он (она) представляет, вплоть до того, "известно ли это учреждение скандальной репутацией"; о теме и предполагаемом объеме будущей публикации (сколько строк, минут) и пр. Также предполагается заранее решить, какие мысли в будущем интервью желательно выделить; наметить то, что необходимо сказать в любом случае и "попробовать мысленно прокрутить предстоящую беседу". Во-вторых, в ходе самого интервью рекомендуется также соблюдать ряд правил:

— "если вы не можете однозначно ответить на определенный вопрос... то лучше сказать об этом журналисту заранее";

— "соглашаться на интервью разумно только тогда, когда есть что сказать по существу. При этом уж ни в коем случае не говорите и не делайте того, что предназначено "не для печати", так как ввиду специфичности профессии журналисту трудно удержаться от искушения обнародовать конфиденциально сообщенные ему сведения";

— "при вежливом и тактичном отклонении предложений об интервью уместно все же оставлять у работников СМИ ощущение доступности";

— "всегда оставайтесь деловым и говорите по существу";

— "если есть выбор, то лучше привести один конкретный пример, чем охарактеризовывать общую обстановку";

— "если вдруг между вами и интервьюером возникла напряженная ситуация, стремитесь сохранить спокойствие и удержать первоначальный темп речи, а также высоту тона и громкость";

— "не повторяйте вслед за журналистом заданные вопросы и употребляемые им термины, значение которых вам недостаточно хорошо известно";

— "старайтесь делать акценты на положительных фактах своей работы и не стесняйтесь признавать допущенные ошибки, в уместных случаях приносить извинения и давать обещание пересмотреть методы работы с целью исключения подобных недостатков в будущем".

Как видим, все рекомендации специалистов направлены на то, чтобы имидж сотрудника ОВД был на высоте. На это же должно работать выполнение требований к невербальному поведению во время интервью: например, смотреть в глаза корреспондента, а не в объектив камеры, поскольку в последнем случае взгляд часто воспринимается как вызывающий, к тому же в моменты растерянности движения глаз могут убыстряться, а это зрители могут расценить как признак нечестности или лукавства. Усаживаясь в кресло, надо принять "непринужденную позу уверенного в себе профессионала", не держать руки в карманах, не теревить в руках ручку и т. п., чтобы не испортить впечатление зрителей.

Мы не станем утверждать, что все "силовики" хорошо усвоили рекомендации спецкурсов, однако сбрасывать со счетов их особую подготовку к общению со СМИ журналистам не следует ни в коем случае. К тому же любой выпускник юридического вуза или факультета прослушал ряд курсов по юридической психологии, целый раздел которой посвящен психологии об-

щения, установлению психологического контакта, тактике “выведывания” информации и т. д. Следует признать, что успешное сотрудничество журналистов с “силовиками” возможно только при условии взаимной выгоды. Со стороны первых их может быть две: во-первых, это перечисленные нами выше и “официально” продекларированные цели, преследуемые специальными ведомствами в контактах со СМИ; во-вторых, у отдельных сотрудников силовых структур могут быть личные мотивы. В этом случае происходит индивидуальное взаимодействие журналиста и сотрудника ОВД, для руководства которого “в большинстве случаев это нежелательный вид взаимодействия” [8, 16]. Тем не менее, нередки случаи, когда следователи или оперуполномоченные оказывают информационную поддержку представителям СМИ при проведении ими независимого журналистского расследования (примечательно, что практически всегда в юридической литературе этот метод называется с приставкой “так называемое” и в кавычках). Почему они идут на контакт и разглашают служебную информацию? По мнению юристов, такая форма взаимодействия возникает в том случае, “когда у сотрудника ОВД не хватает смелости или полномочий открыто противостоять преступникам, разоблачить факты коррупции, и он вынужден привлечь внимание общественности через иницированное им выступление” [8, 15]. При всех “минусах” такого контакта даже “силовики” признают, что “эта форма взаимодействия уже доказала право на свое существование”.

Эксперты от науки выполняют в программе А. Караулова двойную функцию: с одной стороны, они могут дать оценку обсуждаемым фактам с точки зрения науки, которую они представляют. Например, в эфире от 22 декабря 2002 ведущий попытался рассказать зрителям о неизвестных трагических страницах истории “российского подводного ядерного щита”, одним из экспертов программы был президент Российского научного центра “Курчатовский институт” академик Е. Велихов:

Е. Велихов: Статистика показывает, что ведь количество реакторов на подводных лодках — это порядка 400. Это больше, чем на атомных станциях вообще во всем мире. Был случай, когда вынули крышку сверху, что было на Тихом океане. Во время ремонтных работ была допущена ошибка. Это был такой случай.

Ведущий: Это какую крышку с чего сняли?

Е. Велихов: При разборе реактора.

Ведущий: А ремонтировали подводную лодку?

Е. Велихов: Ну да. Каждый случай такое одно дело. Но давайте посмотрим, сколько людей по-

гибло. Если сравнить, сколько людей погибло в обычной тепловой промышленности, сколько людей погибло в газовой, в связи с углем и так далее — это несравнимые совершенно цифры. Они в десятки, сотни тысяч раз отличаются.

П. Черепанов, управляющий компанией “Объединенные кондитеры”, принимавший участие в обсуждении скандала вокруг концерна “Бабаевский” (29 декабря 2002 г.), — тоже эксперт, в данном случае важно его доскональное знание ситуации в пищевой промышленности, точнее, в одном из ее сегментов — на рынке кондитерской продукции России:

Ведущий: Ну, а потеснить швейцарский шоколад у вас получится?

П. Черепанов: Но у нас реальные есть проблемы, гораздо более важные, чем швейцарский шоколад. Это проблемы демпинговой, дешевой, некачественной продукции с Украины. Это гораздо более важная проблема, и она для нас стоит в приоритете.

Ведущий: Где патока вместо сахара?

П. Черепанов: Где красители. Это кизяк по очень дешевой цене. Там используются эмульгаторы, вкусовые эссенции и добавки, но при этом упаковывается кустарным способом в антисанитарных условиях в некие коробки и появляется перед Новым годом на рынке.

С другой стороны, эксперты могут обладать конкретной фактической информацией по теме обсуждения, и тогда они переходят из разряда экспертов в стан “очевидцев”. Так можно охарактеризовать позицию в интервью, например, профессора Московского авиационного института Г. Мальшева, который в программе об изобретениях российских ученых не только комментирует сложившуюся в космической отрасли ситуацию, но и рассказывает о научно-технических разработках, в которых сам принимал участие, и о равнодушии руководства (12 января 2003 г.):

Г. Мальшев: Вы знаете, я говорил с маршалом Шапошниковым. Я говорил еще с несколькими.

Ведущий: Толк-то был от разговора?

Г. Мальшев: Вы знаете, мы очень мило побеседовали. Но этим дело ограничилось. Через два-три года рынок космических услуг будет составлять 60 млрд. долларов. Это российский бюджет современный.

Ведущий: Это общемировой рынок?

Г. Мальшев: Это общемировой рынок. Мы занимаем там проценты, и нас отчаянно выжимают, и нами играют. <...> Оказывается, можно сделать летательный аппарат... Гибрид между, скажем, воздушным змеем и планером. Так вот, эта птица будет висеть бесконечно долго без затрат энергии на высоте примерно 10 км.

Ведущий: Как это — бесконечно долго?

Г. Мальшев: А потому, что летные свойства таковы, что если поставить его в кузов грузовика, разогнаться до 70 км, а потом просто лебедкой опускать его, он будет висеть в воздухе.

Ведущий: Ни у одной страны мира нет таких технологий. Подумайте только — запускать планер, самолет из кузова грузовика на высоту 10 тысяч метров! Из кузова грузовика!

Г. Мальшев: <...> Это альтернатива самой дорогой космической системе... это совершенно уникальная новая система. Мы имеем российский патент на нее. Это аналог спутника связи.

Ведущий: И дешевле раз в 30.

Г. Мальшев: Раз в 30 дешевле существующих связных систем земных.

Ведущий: Это экономия десятков миллионов долларов.

Г. Мальшев: Вы знаете, это совершенно новый шаг.

Ведущий: Вот вы это маршалу объяснили в Кремле. Маршал Шапошников...

Г. Мальшев: Нет, маршалу мы все это не объясняли, потому что поняли, что объяснять ему не стоит.

Ведущий: Почему?

Г. Мальшев: Да потому, что это обычно ничем не кончается. Вы понимаете, нас сначала переводят на генералов, потом на полковников. А потом полковники говорят: "Вы знаете, это ж сложно. Это же надо дело делать, это надо начинать!"

Во всех трех приведенных фрагментах разговора А. Караулова с экспертами можно отметить один и тот же прием, когда ведущий не только и не столько стремится выяснить новую информацию (собеседники сами высказываются в русле заданной "за кадром" проблематики), сколько с помощью вопросов пытается прояснить для зрителя смысл сказанного экспертом. Ведь то, что кажется элементарным и само собой разумеющимся специалисту, может быть непонятно непосвященному обывателю, необходимы пояснения. Именно для этого задаются вопросы, типа "это какую крышку с чего сняли?", "где патока вместо сахара?", "как это — бесконечно долго?" и т. п.

Время от времени в гостях у А. Караулова оказываются известные деятели науки, ценность высказываний которых равно и в их экспертных оценках, и в их личной точке зрения как видных представителей российского общества. К таким экспертам можно отнести Ж. Алферова, лауреата Нобелевской премии, Вице-президента Академии наук России. Из программы от 12 января 2003 года:

Ж. Алферов: *Во всем виноваты мы сами, потому что мы все это допустили. Да. Когда начались вот эти гайдаровские реформы, встретившись с Гаврилой Харитоновичем Поповым, я у него спросил: когда Рузвельт во время великой депрессии проводил свои реформы, он каждую неделю выступал по радио (это называлось "разговоры у огонька"), объясняя каждый шаг всей нации. Почему, начав столь кардинальные изменения в стране, господин Гайдар (тогда мне было ясно, что Борис Николаевич объяснить не может, кроме как сказать "понимаешь"), ничего не объясняет, в чем суть его программы. Мне он ответил: у него никакой программы нет, он делает по принципу, что главное — ликвидировать то, что было; вязаться в драку, а там увидим. Мы сегодня на технологическом уровне 85-го года и, значит, технологически мы отстаем уже не на 3-4 года, а на 20 лет почти.*

Ведущий: Скажите, а сейчас Курчатов, Сахаров, Харитонов, если бы они были живы, смогли бы создать атомную бомбу, или уже нет заводов, лабораторий?

Ж. Алферов: Создать сегодня? Конечно, нет.

Ведущий: Нет?

Ж. Алферов: Конечно, нет.

А. Караулов любит переспрашивать. Такой прием "активного слушания", называемый "отражение" или "эхо", разумеется, имеет совершенно определенный смысл и значение. Суть этого приема заключается в повторении с вопросительной интонацией последней фразы респондента. "Эхо" должно отражать ключевые фразы респондента, на которых сделано смысловое ударение. "Удачно отраженная "эхом" ключевая фраза часто является эффективным стимулом для расширения ответа" [1, 167].

"Отражение" — это один из десяти приемов "зондирования", или "probing" [1, 165-169], системы инструментов, необходимых для развертывания интервью, поощряющих респондента к спонтанному расширению ответов по теме исследования. В набор приемов, входящих в состав тактики probing, входят: 1) пауза, или молчание; 2) подбадривание, или номинальная поддержка; 3) отражение, или "эхо"; 4) вопросы-синонимы; 5) прямая просьба расширить ответ; 6) парафраза; 7) суммирующий вопрос; 8) прямая просьба разъяснить ответ; 9) конкретизирующие вопросы; 10) "мутация", или изменение темы. В той или иной степени А. Караулов владеет и пользуется перечисленными приемами, наиболее часто ведущий для поддержания спонтанности речевого потока респондента прибегает, как уже было сказано, к приему "эха", а также к способам 6-9. Парафраза по типу вопроса похожа на отражение, но с той разницей, что в ней не используют

ся слова, сказанные интервьюируемым. Парафраза представляет собой упрощенное и переформулированное на языке интервьюера высказывание респондента. «Цель парафразы состоит не в том, — подчеркивает С. А. Белановский, — чтобы заставить респондента расширить ответ, а в том, чтобы прояснить его или убедиться в правильном понимании» [1, 165]. Расширенный вариант парафразы — «суммирующий вопрос», он представляет собой уже не переформулировку отдельного высказывания, а отображает на языке интервьюера главную мысль какой-либо темы или совокупности высказываний. «Мутация», или изменение темы — это постановка вопроса, вводящего новую тему, которая не является развитием или уточнением предыдущих ответов. Судя по всему, А. Караулов использует этот прием, но мы не можем проследить это на примерах, поскольку такие вопросы остаются за кадром и не попадают в эфир. С помощью «мутации» источник иногда меняет свой статус.

Переход из одного статуса источника в другой случается довольно часто. На наш взгляд, связано это с тем, что автор программы пытается «выжать» из доверившегося ему источника все, что возможно: и факты, и комментарии. То, как распорядиться полученными данными, решается, видимо, позже. Вероятно, исходное интервью распределяется «по порциям» среди нескольких выпусков «Момент истины». Глядя на то, как из «номера в номер» в программе появляются одни и те же лица (например, Л. Слиска, Р. Абдулатипов, Е. Наздратенко и др.), можно подумать, что либо А. Караулов имеет бессрочный абонемент на интервью с этими людьми, либо записывает бесконечные беседы «обо всем» впрок.

Представители общественности, как правило, не дают в своих интервью никакой фактической информации, их мнение играет, если можно так сказать, «декоративную» роль, оно оттеняет сказанное ведущим, делает его слова более значимыми и весомыми. Например, из разговора с Г. Вишневской (29 декабря 2002 г.):

Ведущий: <...> В России, как официально пишет нам Наздратенко, действительно остается только та рыба, которая на аукционах никому не нужна. Вся другая рыба вернется в Россию в иностранной упаковке, то есть будет намного дороже. А рыба, которая остается своему народу — это бычок, песчанка, ламинария, анфельция какая-то, а также пристепома и бельдюга.

Г. Вишневская: Они не понимают, что они делают. Что делают с народом.

Ведущий: Кричать, говорить.

Г. Вишневская: Обязательно кричать и говорить надо.

При просмотре передач «Момент истины» складывается впечатление, что исходное интервью с каждым из экспертов-«общественников» писалось одно на все случаи: то есть А. Караулов встречался с респондентом, говорил с ним об актуальных проблемах, стоящих «на контроле» программы, а затем, по мере надобности, вставлял наиболее яркие и подходящие по теме куски в ткань очередной программы. Прочитанный выше фрагмент разговора с Г. Вишневской можно было вставить в любую программу, он годится для обсуждения любых проблем. В этом мы можем убедиться, сопоставив высказывания народной артистки СССР в другом фрагменте с только что процитированными. В продолжение разговора о плачевном положении отечественной гражданской авиации Г. Вишневская говорит:

Г. Вишневская: Никто не изучечил свой народ, как сами русские.

Ведущий: Почему, у вас есть ответ на это?

Г. Вишневская: Нет. Такой народ и все. И никогда не знаете, куда его понесет. Такие образы, как Гришка-кутерьма, откуда они берутся? Из народа. Я вам скажу, что русский человек считает, что он очень добрый. Он делится последним, последнюю рубашку отдаст. А когда у него их десять, он их не отдаст...

Вторая группа источников — «очевидцы» — представлена в «Моменте истины» значительно в меньшем объеме, чем первая. Между тем именно в тех местах, где разговор идет с «очевидцем», журналист пытается выяснить обстоятельства и подробности тех или иных конкретных фактов, ситуаций и т. п., мы имеем дело с элементами журналистского расследования. По сравнению с опросом экспертов меняется тактика беседы. Вопросы становятся более конкретными и краткими.

Рассмотрим на примерах, как выстраивает ведущий разговор с представителями пострадавшей стороны и с теми, в чей адрес звучат обвинения. В подавляющем большинстве случаев интервью с «очевидцами» первой группы идет в студии (возможно, в кабинете респондента), мы видим интервьюируемого; с теми же, к кому обращены острые вопросы, А. Караулов предпочитает общаться по телефону. Итак, характерный фрагмент разговора с «очевидцем» первой группы (22 декабря 2002 г.):

А. Усенков (генерал-лейтенант, генеральный директор корпорации «Рособмаш»: На «Буран» возлагались задачи на 10, 20, 50 лет вперед, которые он должен был решать. В октябре 1991 года я был председателем межведомственной комиссии по последним испытаниям энергии «Буран» на Байконуре, после чего было принято решение о прекращении этой программы.

Ведущий: А почему?

А. Усенков: Там люди, которые участвовали в испытаниях, готовили к запуску, просто слезы на глазах были.

Ведущий: А почему?

А. Усенков: Объяснение то, что нет задач для "Бурана" на данный момент...

Ведущий: А вот кто это говорил, назовите поименно, кто это сделал?

А. Усенков: А вот второе...

Ведущий: Нет, пожалуйста, я вас прошу, кто сказал, что надо сворачивать?

А. Усенков: Андрей Викторович, я просто не могу сказать. Ну, представьте ситуацию: конец 91-го — начало 92-го года, кто и что там сказал, и кто какие решения принимал.

Ведущий: Но Ельцин был в курсе?

А. Усенков: Я думаю, что да.

Как видим, ведущий применяет здесь технику фокусированного интервью, причем в устойчивой форме, при этом достигает лишь относительного успеха. Вполне понятны причины, по которым на подобные вопросы журналист получает лишь косвенные ответы, наивно полагать, что даже болеющий за дело государственный чиновник назовет имена истинных виновников в описанных им случаях безответственности, злоупотреблений или коррупции. Между тем именно такие вопросы привносятся в программу "Момент истины" дух расследовательства, здесь видна конкретная цель: найти и назвать имена правонарушителей.

Интервью с участниками тех или иных событий помогают создателям программы осветить подробности и детали происходившего совсем недавно или много лет назад. Так, М. Толбоев, принимавший участие в испытаниях легендарного "Бурана", рассказал о невосполнимых человеческих потерях, которыми сопровождалось испытание (12 января 2003 г.), И. Федорова поведала о переделе собственности в МНТК микрохирургии глаза, начавшемся после гибели ее мужа, знаменитого на весь мир офтальмолога (29 сентября и 10 ноября 2002 г.). В большинстве программ есть такие интервью. Иногда для большей убедительности и наглядности в ткань передачи включаются записанные в "полевых условиях" коротенькие интервью с теми, кто находится внутри ситуации, но не является в ней ключевой фигурой, это те, кто за ней наблюдает. Например, разбирая в разных аспектах и с разными экспертами и "очевидцами" проблему бесконтрольной продажи трамала (наркосодержащего препарата) в российских аптеках, А. Караулов адресует нас к сюжету с московских улиц (19 января 2003 г.):

Ведущий: Это Москва. Аптеки, в которых свободно продается трамал, сразу узнаются по огромному количеству упаковок на снегу...

Продавец: Подростки очень часто спрашивают.

Корр.: Значит, в других аптеках где-то продается?

Продавец: Вы знаете, не могу сказать, в нашей аптеке не продается. Именно вот в нашей аптеке нет.

Корр.: Скажите, вы знаете, в какой сейчас группе находится трамадол ретар?

Продавец: В обычной, "безрецептурный отпуск".

В другой программе, посвященной той же проблеме, мы видим интервью с наркоманом, покупающим в аптеке трамал. Правда, как и в предыдущем случае, эти интервью берет не А. Караулов, а остающиеся за кадром корреспонденты программы.

Наиболее жесткую тактику интервью ведущий применяет в разговоре с "очевидцами" второй группы (людьми, к которым выдвигаются обвинения) по телефону. В программе от 26 января 2003 года А. Караулов сообщил о том, что российское консульство в Мюнхене отказало во въездной визе Анне Гулари, исполнительнице с мировым именем, приглашенной Родионом Щедриным для участия в концертах. Ведущий звонит генеральному консулу Л. Н. Клепацкому, желая получить разъяснения:

Ведущий: Вопрос один. Что случилось с визой для Анны Гулари? Почему ей не дали визу?

Л. Клепацкий: У нас не было оснований для невыдачи, разрешение на выдачу имелось. Не совсем понятно, что там произошло...

Ведущий: Лев Николаевич, на самом деле об этой истории, не мне вам рассказывать, подробно пишут и немецкие газеты, и уже мировая печать. Нанесен, конечно, серьезный удар по репутации нашей с вами страны.

<...>

Л. Клепацкий: Ну, кстати, Родиону Константиновичу ничего не стоило, у него есть мои телефоны, позвонить и спросить, какая проблема, и мы могли бы с ней связаться.

Ведущий: Ну да, Щедрин виноват, что он вам не позвонил и не спросил, в чем дело.

Фактически мидовский чиновник признается в том, что "по звонку" можно было бы легко и быстро уладить дело. Уверены, что он никогда не сделал бы таких скоропалительных заявлений, если бы отвечал на вопросы перед камерой и по предварительной договоренности. А. Караулов в своих телефонных "блицах" использует эффект внезапности и напор: вопросы короткие, жесткие, порой провокационные, человеку на дру-

гом конце провода не дают опомниться, взять ситуацию под контроль. В таких случаях люди чаще всего начинают вести себя неадекватно их служебному положению. Одни пытаются угрожать, как, например, Х. Тачхиди, генеральный директор МНТК МХ глаза (“я комментировать ничего не буду. Если вам что-то непонятно, давайте встречайтесь с адвокатом и разбирайтесь с ним”); другие, как консул Л. Клепацкий, начинают доверительно сообщать явно не предназначенные для публичного эфира детали; третьи, как судья Л. Бутанина, пытаются оправдываться и всю ответственность за неправомерные действия взять на себя. Этот последний пример особенно любопытен (17 ноября 2002 г.):

Ведущий: Вы приняли решение по Нижнему Новгороду, по комбинату?

Л. Бутанина: Так. Там было несколько решений.

Ведущий: <...> А как объяснить эти решения?

Л. Бутанина: Первое решение было обеспечение иска. <...>

Ведущий: Людмила Борисовна, вот уже более двух месяцев действует новый арбитражно-процессуальный кодекс. Или в Пензе об этом не слышали?

Л. Бутанина: Нет, слышали.

Ведущий: По этому кодексу суды первой инстанции, ваш суд, в частности, вы не имеете права вмешиваться в такие вот...

Л. Бутанина: И вот это дело, просто первоначально, когда это заявление было принято, оно было принято не мной, я его уже получила, скажем так, с резолюцией к своему производству.

Ведущий: Какого числа вы получили, и чья была резолюция?

Л. Бутанина: Она мне была отписана, поскольку я была дежурной судьей...

Ведущий: Какого числа это было?

Л. Бутанина: У меня под рукой нет этого.

Ведущий: Это было две недели назад.

Л. Бутанина: Да-да-да.

Ведущий: Вы же теперь понимаете, что вы не имеете теперь права этим заниматься... И вы создаете такой прецедент на всю страну и не боитесь.

Л. Бутанина: Нет, почему же...

Ведущий: Тогда зачем вы это делаете, когда понимаете, что делаете что-то не то?

Л. Бутанина: Ну, я не могу ответить вам на этот вопрос, так скажем, конкретно.

Ведущий: Кто-то вас заставлял, давил на вас?

Л. Бутанина: Ну, об этом же нельзя ничего говорить. Я не могу этого сказать. Если я приняла решение, значит, я...

Ведущий: Ну, если будет возбуждено уголовное дело, а я допускаю такую мысль, вам придет-

ся все это говорить на следствии и называть имена тех людей, которые порекомендовали, скажем так мягко, этим заниматься.

Л. Бутанина: Мне не порекомендовали, мне было отписано это заявление.

Ведущий: Зачем вы это сделали? Ну, объясните, пожалуйста, и мне и всем.

Л. Бутанина: Я не могу объяснить этого. Значит, это моя ошибка.

Мы не случайно позволили себе столь длинную цитату, приведя телефонный разговор почти полностью. Здесь А. Караулов использует известный в психологии общения прием, называемый “правилом накопления согласий” [7, 374]. Этот способ получения информации заключается в изначальной постановке таких вопросов собеседнику, на которые он естественным образом отвечает “да”. Учитывается такая “психологика”, свойственная людям: 1) если человек изначально ответил “нет”, то сказать “да” ему психологически трудно; 2) если человек несколько раз подряд сказал “да”, то у него возникает хотя и слабая, но реальная, как говорят, фиксированная психологическая установка продолжить тенденцию согласий и сказать “да” в очередной раз. Тактика применения приема заключается в том, чтобы начинать с простых, безобидных, “нейтральных” вопросов, которые не вызывают тревоги и на которые, кроме “да”, никак ответить нельзя. Постепенно вопросы усложняют, приближаясь к сути обсуждаемой проблемы, начинать касаться “болезненных” точек, но для начала все же не главных. Описанный прием и использует А. Караулов в своих телефонных интервью. Выглядит это довольно эффективно, но с этической точки зрения порой весьма сомнительно.

Есть в программах А. Караулова и такие моменты, которые с точки зрения техники социологического интервью, расцениваются как ошибки. Так, грубым просчетом в интервьюировании считается высказывание личных мнений интервьюера. Ведущий, конечно, не произносит обширных монологов, его субъективность проявляется в стремлении вызвать собеседника на спор, для этого задаются провоцирующие вопросы, такие, как в этом фрагменте:

Ведущий: Но вы же понимаете, Галина Павловна, и Ростропович понимает, что Ельцин во многом все сделал в России своими руками.

Г. Вишневецкая: Я считаю, что он спас Россию от резни. Вот так я считаю, абсолютно искренне вам говорю.

Не менее провокационны вопросы типа: “Возникает главный вопрос: кто же работает сегодня в нашем правительстве заместителями министров? Сутенеры? Люди, которые делали бизнес на про-

ститутках?” “Вы допускаете сегодня, вы, ученые-атомщики с мировыми именами, что не знаете, как ведет себя атомный реактор с топливом, выгруженным в воде на дне океана, на глубине 1550 метров?” и т. п. Тем не менее, спор с респондентом может быть оправдан: “постановка ему (респонденту. — *Н. Б.*) так называемых конфронтационных или провоцирующих вопросов может выполнять роль специального методического приема, позволяющего получить информацию, которую респондент хотел бы скрыть или исказить. Спор допустим в тех случаях, когда он сознательно используется как методический прием для достижения определенных целей, но недопустим во всех остальных случаях” [1, 190]. Думаем, что специальная цель А. Караулова как раз и состоит в провокации, задача получения новых сведений в данном случае вторична.

Анри Вартанов считает, что для тележурналиста обнажение собственных взглядов недопустимо: “оно у зрителей вызывает законное сомнение в объективности происходящего”. “А. Караулов, — продолжает телекритик, — надо сказать, в продолжение надругательства над законами политической журналистики, очень открыто декларирует свое отношение к приглашенному, причем делает это не в системе задаваемых вопросов, а впрямую” [2, 216].

Исследователи давно обратили внимание на “силовую” манеру расспросов, характерных для А. Караулова. В социологии различают мягкий и жесткий стили ведения интервью [1, 94]. В “жестком” стиле ведения интервьюеру разрешается грубо перебивать респондента, ловить его на противоречиях, задавать наводящие вопросы, оказывать психологическое давление и т. п. Именно так характеризует карауловскую манеру ведения интервью Анри Вартанов: “А. Караулов, как следователь сталинско-бериевской поры, пытается сразу же оглушить собеседника подозрительным тоном, откровенной грубостью, намеками на имеющиеся показания (типа “про Вас говорят, что...») и заставить его “расколоться» [2, 214]. Действительно, телефонные “допросы” в программе “Момент истины” выстроены довольно жестко. Тем не менее, у нас нет оснований утверждать, что А. Караулов придерживается исключительно “жесткой” манеры интервью (выводы А. Вартанова относятся к первой половине 90-х годов), не пренебрегает он и “мягким” стилем, суть которого в вежливом и сочувственном слушании высказываний респондента.

Специалисты в области публичных рилейшнз отмечают использование журналистами разнообразных приемов психологического воздействия манипулятивного характера. Анализ программы

“Момент истины” позволяет говорить о том, что наиболее часто А. Караулов прибегает к таким приемам, как “свидетельствование” — “частое апеллирование к мнению людей, реально являющихся или в большинстве случаев преподаваемых как самые авторитетные специалисты, лица с незапятнанной репутацией и пр.”, и “фрагментация”, определяемая как “такая форма подачи информационных материалов, когда очень трудно уловить какую-либо тенденцию” [12, 14-15]. Примером может служить так называемый “белый информационный шум”, “когда за счет обилия подробностей или слишком детализированной информации подавляется возможность дать ей качественную оценку, понять ее истинный смысл и значение” [12, 15]. К сожалению, подавляющее большинство программ А. Караулова оставляет именно такое тягостное впечатление. “Я смотрю вашу передачу всегда очень внимательно, особенно когда включается траурная музыка и хочется сразу лечь в гроб, положить вот так руки и умереть. Думаешь, ну все” (3 ноября 2002 г.), — Л. Слиска очень точно определила настроение, возникающее после просмотра программ А. Караулова. “Расследовательское” значение “Момента истины” прочитывается лишь систематическим просмотром программ, каждая же по отдельности не дает целостного и однозначного ответа на заявленные в хедлайне выпуска вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белановский С. А. Методика и техника фокусированного интервью / С. А. Белановский. — М.: Наука, 1993. — 352 с.
2. Вартанов А. С. Актуальные проблемы телевизионного творчества: На телевизионных подмостках / А. С. Вартанов. — М.: КДУ; Высшая школа, 2003. — 320 с.
3. Ильченко С. Н. Интервью в журналистском творчестве / С. Н. Ильченко. — СПб., 2003. — 93 с.
4. Кропотов Л. А. Журналистика на путях социологии: Методы социологического исследования в журналистской практике / Л. А. Кропотов. — Свердловск, 1976. — 71 с.
5. Лукина М. М. Технология интервью / М. М. Лукина. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 191 с.
6. Особенности освещения в средствах массовой информации деятельности различных подразделений ОВД субъектов Российской Федерации, УВДТ. — М.: ВНИИ МВД России, 2001. — 100 с.
7. Прикладная юридическая психология / Под ред. А. М. Столяренко. — М.: ЮНИТИ — Дана, 2001. — 639 с.

8. Ростов В.Н. Взаимодействие сотрудников внутренних дел с представителями средств массовой информации / В. Н. Ростов. — Волгоград: ВА МВД России, 2001. — 24 с.
9. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом: Курс лекций по современной русской журналистике / В. Т. Третьяков. — М.: Ладомир, 2004. — 623 с.
10. Тюменцев А. Н. Основы взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации / А. Н. Тюменцев, В. П. Дворянов. — Волгоград: ВА МВД России, 2001. — 72 с.
11. Фомичева И.Д. Методика конкретных социологических исследований и печать / И. Д. Фомичева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 106 с.
12. Юсупов С. К. Журналисты как субъекты взаимодействий государственных служащих в работе со СМИ / С. К. Юсупов. — М.: МГСУ, 2002. — 20 с.